
Владимир АРРО

НА ПУТИ В СИНГАПУР

Лирико-драматическая история

в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А в е л ь , грузинский князь
Е л е н а , петербургская обывательница
М а й я , ее дочь
Г л е б Г а л е м б а , режиссер
С о н я , актриса
К и р ь я н о в , бизнесмен
К а с с а н д р а , пенсионерка
С о к о л ь н и к о в , пенсионер
П а ш а К у д е л и н , деятель
А н ю т а , его жена
Б а б у ш к а
Б у г о р

Действие происходит в Санкт-Петербурге на исходе XX века.

Действие первое

Большая квартира на последнем этаже старого петербургского дома с выходом на крышу, кое-как приспособленная под совместное проживание нескольких семей. Взаимное раздражение можно излить тут не только на кухне, но и в просторной прихожей-холле, куда выходит множество дверей. Частная жизнь, не уместаясь за ними, частично овладела прихожей. Благодаря этому она стала похожа на кладовую краеведческого музея. Здесь нет хлама, здесь скорее эмблемы воинствующего несогласия эпох, вещей и хозяев. Старый сундук с висячим замком соседствует с пластмассовыми бутылочными контейнерами, уложенными штабелем. Афиша спектакля «Гамлет» и множество одинаковых масок украшают простенок, напротив которого расположился диван-рекамье

Владимир Константинович Арро родился в 1932 году. Писатель, драматург. Автор 15 книг прозы. В 1976 году стал писать пьесы для театра. Первая — «Высшая мера» — была поставлена в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Большой общественный резонанс в 1982 году вызвал спектакль Московского театра имени В. В. Маяковского по пьесе «Смотрите, кто пришел!». Автор пьес «Колея», «Трагики и комедианты», «Сад», «Пять романсов в старом доме», «Синее небо, а в нем облака». С 1989-го по 1993 год возглавлял Ленинградскую писательскую организацию. Избирался депутатом Ленинградского — Санкт-Петербургского Совета (1990—1993), председателем Комиссии по гласности. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Член ПЕН-клуба.

под овальным зеркалом в потертой позолоченной раме. Небольшой кабинетный рояль под чехлом дожидается лучшей участи рядом с допотопной швейной машинкой фирмы «Зингер». На одной стене репродукция с картины «В. И. Ленин читает газету „Правда“». На другой — автомобильные фары, рулевое колесо и радиатор автомобиля «фольксваген». Здесь много разнообразных осветительных приборов — от декадентского торшера и театральных софитов до аскетичной зарешеченной лампочки Ильича. Развешена и кем-то забыта елочная гирлянда. Есть и широкое многостворчатое окно с видом на крыши, небо и часть улицы — они, естественно, воображаемые, потому что вместо них — зрительный зал. Рядом выход на крышу — полоса старой железной кровли упирается в рампу. Здесь частное причудливо переплетено с общественным, а антиобщественное с коллективным. Жильцы часто путают эти понятия и забывают, что и кому принадлежит. То одна, то другая рука тянется не к своему выключателю. Именно поэтому каждый из них в какую-то минуту чувствует себя в прихожей как дома. Это дает возможность постановщику при необходимости раздвигать пространство частного жилья. Кроме того, можно не особенно церемониться с тем, кто где произнес ту или иную реплику, в прихожей или в комнате — она все равно будет услышана.

Вот и сейчас Елена, простоволосая и в халате, попивая свой утренний кофе, полужелжит на диванчике с сигаретой в зубах, листая иллюстрированный журнал, мягко освещенный торшером, и говорит негромко, как бы ни к кому не обращаясь.

Елена. Жажду-у... хочу-у посмотреть, кто выйдет из этой двери... Сгораю от любознательности... Выходите, не малодушничайте, Кассандра... Выходите и расскажите нам, кого вы там прячете... Что за джигит прискакал к нам на взмыленном жеребце прошлой ночью... Волоокий красавец с усами, да-а?.. С мощной шеей, да-а?.. О, сгораю от вожделения!.. (Садится, повывисив голос.) С газырями на широкой груди, да-а?.. (Отпивает кофе. Скандальным голосом.) Я спрашиваю, кого вы поселили без нашего ведома в нашей коммунальной квартире под покровом ночи, но не под покровом закона?.. С каким это человеком с Кавказа я должна делить кухню, ванну... уборную, между прочим!..

Из своей комнаты выходит К а с с а н д р а .

...И что ему нужно в моем доме, что он собирается делать под одной крышей со мной и с моей дочерью...

К а с с а н д р а (одновременно с ее голосом зажигается рабочий свет над машинкой «Зингер»). Тише, тише!.. Во-первых, не надо повышать голос. Во-вторых, не моя вина, что самолет из Тбилиси приземлился далеко за полночь...

Е л е н а (перебивает). Прошу вас, не надо про самолет! Самолет, вертолет или субмарина — меня в данный момент это не интересует.

Из своей комнаты выходит С о к о л ь н и к о в .

Вот Сокольников скажет. Господин Сокольников, вы среди ночи...

С о к о л ь н и к о в (резко перебивает). Товарищ!

Е л е н а. Да, товарищ... пардон. Вы среди ночи слышали гортанную кавказскую речь? Га-га-га-га!..

Выходит А н ю т а . Зажигается люстра фальшивого хрусталя.

Анюта, вы слышали?

Анюта. Что?

Елена. Га-га-га-га.

Анюта. А, да. Будто бы гуси гоготали.

Кассандра. Это были пилоты!

Елена. Что бы это значило, а, гражданин Сокольников, как вам подсказывает ваш опыт узника совести? Гуси — это к чему?

Сокольников *(над его дверью зажигается зарешеченная лампочка Ильича)*. Разгадкой ко многим тайнам мира по-прежнему служит Марксова формула «Товар-деньги-товар».

Кассандра. Это были пилоты с регулярного рейса!

Елена. То есть вы хотите сказать, что ночью здесь поселился восточный купец?

Сокольников. Да, вероятно.

Елена. И за сколько процентов прибыли он перережет мне глотку?

Сокольников. За сто.

Кассандра. Глупо, Елена, это неумно и глупо! И вы, пожилой человек... Я сейчас все расскажу...

Лязгает, проворачивается ключ, и с лестницы входит Кирьянов. Перед собой он толкает тележку с товаром. На стене загораются автомобильные фары.

Случилось так, что Великая отечественная война застала меня в Тбилиси...

Елена. А вот про войну — не надо. Война в данном случае — прикрытие. Нынче многие на войне спекулируют. Все просто, вы сдали вашу вторую комнату контрабандисту с Кавказа, который проспится и пойдет на Кузнечный рынок. Между тем у нас уже есть Кирьянов.

Кирьянов. Чего надо?

Елена. Ларек цел? Не сожгли?

Кирьянов. Не твое дело. *(Уходит в комнату, фары тухнут.)*

Елена. Теперь у нас два купца.

Сокольников. Два звена одной цепи.

Елена. Три! Послушайте, у нас целая гильдия!

Кассандра. Но вы же не даете сказать...

Елена. У нас мафия!

Анюта *(в комнату)*. Паша, вставай, у нас мафия.

Появляется Галемба, утираясь на ходу полотенцем, что-то мыча-напевая. Зажигаются два софита.

Галемба. Где мафия?

Елена. Вот! У нас будет сбыточно-передаточный пункт!

Галемба. Чего?

Елена. Мандаринов с лимонами.

Анюта. Хорошо, если не наркотиков.

Елена. А кстати!.. Не исключено.

Сокольников. Хорошо, если не для торговли оружием для продолжения братоубийственной войны.

Галемба. Кого с кем?

Сокольников. Всех со всеми. Ну, сколько можно!..

Галемба. Я надеюсь, не ядерных и расщепляющихся материалов?

Пауза.

Елена. Откуда мы знаем?

Сокольников. Ну, так, может быть, напишем коллективное заявление?

Загорается зеленая лампа на письменном столе. Под общими взглядами Сокольников садится, обмакивает ручку в чернильницу. Из своей комнаты выходит Кирьянов. Фары снова зажигаются.

Сокольников. Доводим до вашего сведения...

Кирьянов *(на ходу)*. Кого на этот раз хочешь заложить, падла?

Сокольников *(вдогонку, на высокой ноте)*. Я по фене тоже ботаю, товарищ!..

Елена. Погодите! Не надо ничего писать. *(Встает и движется к двери.)*

Кассандра. Куда вы? *(Загораживает собою дверь.)* Я не пушу вас к нему!

Елена. По-че-му?

Кассандра. Не пушу. Он отдыхает. Он болен.

Елена *(нафосно)*. Я хочу видеть!.. этого человека!..

Анюта. Отдайте комнату.

Елена. Вот именно. Комнату отдайте.

Паша *(появляясь в майке)*. Лишнюю комнату отдайте.

Все. Комнату! Отдайте комнату! Лишнюю комнату! Сдайте комнату! Продайте комнату! Отдайте комнату! Комнату!

Мельтешение световых вспышек. Появляется Майя. Она в халатике, надетом на ночную рубашку. Зажигается елочная гирлянда цветных огней. Все затихают.

Майя. Мама, что происходит?

Елена *(на переднем плане)*. Это могла быть твоя комната, дочь!

Кассандра. Нет!

Елена. Это твоей судьбой приторговывают!

Кассандра. Ложь!

Все *(с новой энергией)*. Комнату! Отдайте комнату! Лишнюю комнату! Сдайте комнату! Продайте комнату! Отдайте комнату!

Майя *(обернувшись)*. Тихо! Я прошу вас — тише!

Все затихают. Слышно крещендо сливного бачка. Елена закрывает уши, Галемба нос. Из уборной шестует Кирьянов. Все провожают его осуждающим взглядом.

Объясни, мама, что происходит.

Елена. Пока ты спала, голубка, в этой комнате поселился толстый усатый грузин с Кузнечного рынка... вот такой...

Кассандра. Не слушайте, Майя!..

Елена. ...с безумными выпученными глазами... вот с таким пузом, ха-ха-ха!.. и вот в такой кэпке!..

Анюта. И вот с таким кошельком!

Галемба. Хоть будет у кого занять.

Кирьянов *(проходя мимо)*. Зарабатывать надо, а не побираться!..

Галемба. Пошел, пошел!.. Купчик...

Елена. Але, генацвале!..

Анюта. Выйди к людям, слушай! Не будь редиской.

К а с с а н д р а . Слушайте, ну, это же безобразие!

А н ю т а . Выйди, что ты темнишь?

Е л е н а (поет). Снегопад, снегопад, если женщина просит...

К а с с а н д р а . Прекратите, прошу вас!

Г а л е м б а . А что такого, пусть выйдет. (У двери.) Кацо! Ты меня слышишь? Гамарджоба, кацо!..

Внезапно свет гаснет, створки двери распахиваются. В глубине комнаты, освещенный контражуром, появляется тонкий силуэт ю н о ш и . Он медленно движется при общем оцепенении, и когда достигает дверного проема, вспыхивают разом все источники освещения. Возникает хоть и театральная, но вполне жизнеподобная пауза.

А в е л ь (обходя всех). Здравствуйте. Меня зовут Авель. (Пожимает руки.) Здравствуйте. Авель. Авель...

С о к о л ь н и к о в (приставив ладонь к уху). Как?

В с е . Авель! Сказано — Авель.

Г а л е м б а . Хорошо, хоть не Каин.

А в е л ь . Меня зовут Авель. Я из Тбилиси.

В с е (Сокольникову). Он из Тбилиси. Это в Грузии.

С о к о л ь н и к о в . Не делайте из меня идиота. Я знаю, что Тбилиси — столица Грузинской эс-эс-эр.

К и р ь я н о в . Вот идиот.

Е л е н а . Вы все проспали, Сокольников. Нет такого государства. А еще газеты читаете.

Г а л е м б а . Вы хоть сами-то из какой страны, знаете?

А н ю т а . Слушайте, ну, не Сокольников же приехал! (Авелью.) Дальше, молодой человек!

В с е . Да, давайте дальше. Дальше!

К а с с а н д р а . А что дальше?

А н ю т а . Ну, из Тбилиси. Что дальше? Почему вам там не сидится, кацо? Вы ведь все рынки, все рынки захватили!..

М а й я . Перестаньте, Анюта, это невежливо!

Г о л о с а . Невежливо!.. Ну, пусть скажет... Что им там не сидится?

А н ю т а . Ведь у вас теперь самодеятельность... или как там...

П а ш а . Суверенитет.

А н ю т а . Сувениритет!..

С о к о л ь н и к о в . Самоопределение вплоть до отделения!

К а с с а н д р а . Вы можете меня выслушать? Он болен!

Е л е н а . Ну, не надо давить на слезные железы.

К а с с а н д р а . Он болен, он приехал лечиться! Вы не хотите даже выслушать, а мальчик смертельно болен. Бесчувственные люди. У него угасает сердце, вы понимаете? Он приехал на операцию. И пока не подойдет очередь в академию, к профессору Чкония, он будет жить у меня!

Е л е н а . Чкония?.. Это светило!

А н ю т а (шепотом). У них все схвачено!..

К а с с а н д р а . Да, мы когда-то работали в одном госпитале... А потом придет его бабушка, моя подруга Дарико! Слышите? Он никакой не торговец! Он вам не спекулянт и не мафия! Он — князь.

В с е . Князь?

С о к о л ь н и к о в . Кто он?

Елена. Князь?.. Князь?..

Анюта. Больной, а князь.

Сокольников. Ах, князь... Как это может быть?

Паша. Князь, а больной.

Анюта. Кому жаловаться, слушайте, кому жаловаться!

Сокольников. Князя нам еще не хватало.

Кирьянов. Князь, но больной.

Галемба. Зато — князь. А ты кто?

Кирьянов. Я не князь.

Галемба. Я тоже. И не комплекую.

Оглядываясь на Авеля, все расходятся по своим комнатам. Светильники по очереди гаснут. Горит лишь гирлянда: Майя задержалась неподалеку от Авеля. Некоторое время они молча изучают друг друга. Майя делает реверанс.

Майя. Простите, ваше сиятельство, я еще не причесывалась.

Авель. Ну, и что? У вас такие пышные волосы.

Майя. И не умывалась.

Авель. Пустяки. Я ведь тоже.

Майя. И не одевалась. Как выскочила из своей теплой постельки на шум, так и предстала перед вашими сиятельными очами. Меня зовут Майя.

Авель. Я рад познакомиться.

Сокольников *(в своей комнате)*. Довожу до вашего сведения...

Майя. Откуда ж мне было знать, что нашу трущобу осчастливит своим появлением такая значительная особа.

Кассандра *(из своей комнаты)*. Хотелось бы еще раз привлечь ваше внимание...

Майя. Даже во сне не могло присниться.

Елена *(у себя)*. Обращаюсь к вам с воплем отчаяния и надежды!..

Майя. Боюсь, что здесь вам часто придется сталкиваться с неряшливыми мужчинами и с дамами в неглиже...

Анюта *(диктует Паше)*. Прошу рассмотреть мои предложения по выселению... пиши, пиши!.. в учреждение социальной опеки...

Паша. Будет разъезд. Расселение...

Анюта. Когда?

Паша. Автандил Амиранович сказал: будет вскоре! Работаем...

Майя. А также вас будут донимать непривычные звуки и запахи.

Галемба *(у себя)*. Соболаговолите ответить, на каком основании...

Майя. Когда вам захочется спать, под ухом у вас врубят оглушительную музыку, а когда заблагорассудится выпить чаю, будут смердеть тухлой рыбой и скоблить кастрюлю. Так что судите сами, сиятельный князь, место ли вам в этом прибежище тоски и зловония.

Авель. Все это не имеет значения. Я очень рад, что попал сюда.

Майя. Да? Что ж здесь хорошего вы нашли?

Авель. Я нашел вас.

Майя. Прямо так сразу? Вы всегда так?..

Авель. Да. Я всегда говорю то, что думаю.

Майя. Любопытно.

Авель. Мы ведь будем дружить с вами?

Майя. Дружить?.. Дружить... Хорошо, я подумаю. *(Делает еще один реверанс и уходит.)*

Далее одновременно звучат несколько монологов. Каждый ведет свой монолог в забытьи, почти в сомнамбулическом состоянии, но в свойственной ему манере речи и темпераменте. Авель обходит всех, ненадолго задерживаясь возле каждого, внимательно взглядываясь в лицо говорящего. Голоса сливаются, стараются пересилить друг друга и наконец превращаются в общий вопль. Авель зажимает уши руками, зажимуривается.

Наступает миг тишины, гаснет свет.

Когда он загорается снова, в прихожей — Елена, Галемба и несколько поодаль от них Авель.

Галемба. Ну, что ж делать, князь так князь. Одним князем больше, одним меньше... Пусть живет.

Елена. Нет, ты не понимаешь, как нам повезло. О, князь, разберитесь с нами с позиций княжеской чести. Судите нас, правьте нами!

Галемба. Оставь его.

Елена. Укажите нам на бесчестных, бессовестных, подлых, вам поверят!

Галемба. Слушай, дай поговорить с человеком.

Елена (Авелью). Не тратьте на него время. На редкость бессодержательная личность.

Галемба. Иди займись чем-нибудь. Вымой посуду.

Елена. Он расскажет вам...

Галемба. Разложи пасьянс!

Елена. Он расскажет вам, как ставил «Три сестры» в народном театре города Жлобина. На кой черт им три сестры? Там и одной много.

Галемба. И хватит об этом.

Елена. Он им: в Москву, в Москву! А они — в Гомель, в Гомель!

Галемба трогает клавиши рояля, звучат несколько джазовых аккордов.

Оставь! (Закрывает крышку.)

Галемба (едва успевая отдернуть руки). Полегче!..

Елена. А ты не лезь! Инструмент не рассчитан на твои грабли.

Галемба. Ах-ах! Такая ценная реликвия. Кто же на нем играл, ты еще не сказала князю. Уж не Антон ли Григорьевич Рубинштейн? Да, да-а, конечно, он... Вы знаете, князь, мы не держим беспородных вещей, ну, что вы!... Исключительно из великосветских гостиных... Потому что мы сами благо-род-ней-шего происхождения. Мы происходим...

Елена. Заткнись!

Галемба. Мы происходи-им...

Елена. Еще одно слово!.. (Снимает тапку с ноги.)

Галемба. Ну, хорошо, вам позже будет доложено.

Елена. В гневе я страшна, ты же знаешь.

Галемба. Когда ты была страшна? Не помню. Ты была смешна и нелепа. Гнев — это не твое амплуа. Говорю тебе как режиссер: я не верю! (Подходит ближе.) Понимаешь, в уголках твоих гневно сомкнутых губ помимо твоей воли зарождается смех, гнездится улыбка...

Елена (смеется). Ладно, не твое дело. Дай сигарету. (Закуривает.) Спасибо. Слушай, садись. У меня есть проект.

Галемба. Да? Весь внимание. *(Садится.)*

Елена. Мы с тобой набираем группу детей... дошкольного возраста... по тридцать долларов с носа.

Галемба. В месяц?

Елена. Ну, еще чего... В неделю!

Галемба. Ого!

Согласен. И что мы с ними делаем?

Елена. С долларами?

Галемба. С детьми!

Елена. Здравствуйте! Духовно-эстетическое развитие, что же еще. Ты — сценическое движение, этюды, речь, я не знаю, делай что хочешь... Я — основы стихосложения, образное мышление. Майка — чувство гармонии, музыкальный слух, ритмика. Понятие комильфо, наконец! Манеры.

Галемба. Кто манеры? Ты манеры?

Елена. Да, да, я! Просто ты меня плохо знаешь.

Галемба. А лицензия?

Елена. Ну, и что, лицензия? Купим. Слушай, но так нельзя жить, надо же что-то делать! Надо выбираться отсюда. Все же кругом что-то делают.

Галемба. Кирьянов?

Елена. Кирьянов мне не пример. Я покупать-продавать не умею. Надо делать лучшее, что мы умеем. Делать весело, элегантно, чтобы самим получать удовольствие. Ты что, совсем утратил чувство юмора? Мы будем играть. Мы будем с ними петь, играть, дурачиться, фантазировать!

Галемба. Утирать носы... Ах!.. *(Пауза.)* Я уже проигрывал всякие варианты: сельский дом, монастырь, эмиграция... Но до такого еще не дошел... Ах!.. Знаешь, посидеть бы напоследок в тихом ресторане, как в юности в «Севере»: оранжевый абажур... «старка»... салат с крабами. Кофе по-варшавски, помнишь?.. Инструментальный квинтет... Лу-на, твой свет дрожит в тумане, он вдаль лучами манит, жемчужная лу-на... Я даже лица их помню: скрипка, сакс, контрабас... У скрипки на смычке волос болтался. Их, может, уже нет в живых, а я помню... А мое лицо кто-нибудь запомнит?.. Сомневаюсь... Лу-на, твой свет дрожит в тумане... *(Внезапно вспыхнув.)* Я кладу на их деловитость! Я подохну, но деловым они меня не увидят! Я так и останусь раздолбаем! Вот им!.. *(Делает неприличный жест.)*

Елена. Ну, что ж... Каждый кует свое счастье сам, в одиночку. И тем, чем может...

Галемба. Ну, в общем, как хочешь... Я готов попробовать.

Елена. Принято. Но есть и другой способ заработка. Участие в радиоконкурсе: «Что ты знаешь о Греции?». На первую премию можно месяц жить.

Галемба. Слушай, я тебя умоляю!..

Елена. Поняла. Я пошла писать объявление. Кстати, как у тебя с деньгами?

Галемба. На нуле.

Елена. Семейный человек, называется. Когда Соня возвращается?

Галемба. Обещали на этой неделе.

Елена. Через два дня я получу алименты. К сожалению, последние. Как быстро летит время! Ей уже восемнадцать...

Галемба. Что дальше?

Елена. Дальше-дальше... Университет, разумеется! Для поступления нужны консультации. Так это сейчас называется... Сколько это стоит, пока неизвестно. Но, вероятно, немало. Кстати, ты не знаешь, что такое бизнес-эскорт?

Галемба. Бизнес-эскорт?.. Это кто-то куда-то чего-то... Погоди, а это не сопровождение бизнесмена?

Елена. Вот именно. Паша наш предлагает. Ну, он как посредник. Какого-то монстра надо сопровождать. Автандил Амиранович зовут, как тебе нравится?

Галемба. Куда?

Елена (*открывает рояль, трогает клавиши и напевает*). В бананово-лимонном Сингапуре, пуре...

Галемба. В Сингапур?

Елена. О, уес. За неделю тысяча баксов. Еще столько же на одежду. Деловой костюм и вечернее платье.

Галемба. Это еще что такое!.. Да ты что!.. Ты хоть понимаешь, что он предлагает?.. (*Срывается с места, стучит*). Куделин! Паша!

Анюта. А потише?..

Галемба. Где Куделин?

Анюта. Он отдыхает.

Галемба. Он отдыхает, видите ли...

Кирьянов. Мой совет — не связывайтесь!..

Елена. Он дрыхнет среди бела дня, наш благодетель.

Кирьянов. Этот эскорт знаешь, куда заведет? Не позволяйте!

Елена. Господи! Нам же туда не надо! Паша!..

Галемба. Он отдыхает. Чш-шшш... Послеполуденный отдых Фавна.

Елена. Он еще любит смотреть в бинокль.

Галемба. Он различает там наше лучшее будущее.

Кирьянов. Пусть выходит замуж за меня.

Елена. Не выдумывай!.. Она еще молода.

Кирьянов. А я люблю недоразвитых. (*Смеется*.) И сам такой.

Елена. Одолжи лучше сотню до понедельника, недоделок.

Кирьянов. Сотню?.. (*Вздыхает*).

Авель. У меня есть деньги — возьмите!

Елена. Да? Вы даете мне в долг?

Авель. Да-да, конечно! Возьмите, сколько вам надо.

Елена (*чопорно*). Ну, хорошо. Благодарю вас, князь. Вот как ведут себя благородные люди. А ты говоришь — манеры. (*Уходит*.)

Галемба. Ты всем будешь давать деньги, малыш?

Авель. Если кто-то очень нуждается...

Галемба. Послушай, ты на опасном пути, я тебя предупреждаю как друг. Как сосед. Жестче, жестче надо с людьми. Хватит миндальничать. Никакого гуманизма. Им надо протянуть не рыбку, но удочку, понимаешь?.. Впрочем, так все теперь говорят. И все знают: рыбка лучше. Время сейчас такое. Знаешь, можешь дать и мне немного рыбки. (*Берет одну куктуру*.) Вот эту. Хватит. Я говорю — хватит! Ну, ладно, еще вот эту. Остальное — спрячь! Да подальше!..

Авель. Хорошо.

Галемба. Когда-нибудь мы погуляем, я покажу тебе город. Кстати, с нашего пентхауса, кроме крыш, можно увидеть любопытные уголки. (*Подводит его к рампе*.) Вон, скажем, за рекой... зеленый фасад... видишь?.. Лучший театр. Мастер пригласил меня туда вторым номером. Ты понимаешь — вторым!.. Ну, и так далее... Это было, было! Я работал на малой сцене... А там, вот смотри, в куще деревьев... это очень хорошая больница. Первоклассная. Там моя Офелия. Гениальная актриса. Она так и не вышла из роли... Я думал, это талант, а это наследственность... Ну, что поделаешь. Она мне жена.

Авель. Я помолюсь за нее.

Галемба. Да?.. Ну, пожалуй... Софья ее зовут.

А в е л ь . София.

Г а л е м б а . Да... Там вон, за сквером, временно проживает мой черный терьер... на передержке... У моего ассистента. В ту сторону не хожу, боюсь встретить... Мы оба умрем... От инфаркта. Говорят, у собак тоже бывает инфаркт... А тут вот, за этим углом, очень неплохая рюмочная... бутерброды с яйцом и килькой... мы можем хоть сейчас спуститься... А, понимаю — тебе нельзя. Ничего, что я на «ты»?.. Скажу честно: располагаешь...

Затемнение.

На краю крыши стоят Авель и Майя.

М а й я . Видите? Это мой город!..

А в е л ь . Боже мой!.. Дух захватывает... Сколько огромных домов... и все под цветными крышами!.. Сколько куполов, шпилей!.. И парят птицы...

М а й я . Это чайки. Мы же обитаем у моря!.. Вон, видите портовые краны?.. Там залив.

А в е л ь . Какое, должно быть, счастье — видеть это в любую минуту, когда душа пожелает...

М а й я . Да. Я выхожу сюда по нескольку раз в день и просто сижу... (*Садится.*) Просто сижу... И ни о чем не думаю. Здесь надо дать волю чувствам. Особенно когда закат и небо меняет цвет. В эти минуты что-то в душе происходит... Не знаю, как назвать...

А в е л ь . Откровение?..

М а й я . Может быть. Хорошее слово.

А в е л ь . Я это увижу?

М а й я . Конечно! Я вас позову.

А в е л ь . Вы счастливые люди!

М а й я . Мы?.. Это вряд ли... Хотя да!.. Кто хочет. Сядьте рядом со мной.

Авель садится.

Вот смотрите, тут я всегда сажаю цветок. Вот семечко, которое я посажу. Это календула, или попросту ноготок. Надо посадить и задумать желание. Вы тоже можете посадить!.. Хотите, посадим вместе?..

А в е л ь . О, да!

Втыкают семена в горшок.

М а й я . Задумали?

А в е л ь . Да, задумал!

М а й я . Но кто-нибудь, конечно, сорвет... Мне еще кое-что захотелось вам рассказать. Знаете, вы так располагаете к откровению... Но насчет дружбы я еще не решила. Вы не сердитесь?

А в е л ь . Я не сержусь. Скажите, а кто такой Автандил Амиранович?

М а й я . О, это большой начальник!.. Он президент чего-то там... какой-то ассоциации...

А в е л ь . Ваш знакомый?

М а й я . Да. А почему вы спрашиваете?

А в е л ь . Так... Известное грузинское имя. Шота Руставели его прославил...

М а й я . У него много заслуг, и он всюду известен... Вот сейчас он летит в Сингапур. Можете себе представить?.. Там в аэропорту растут пальмы и летают бабочки!

А в е л ь . И берет вас с собой?

М а й я . Ну, не знаю... Он предложил мне небольшую работу... Ему понравился мой английский... Паша Куделин меня с ним познакомил, наш сосед... Позвольте, князь, а в чем дело?

А в е л ь . Извините... Я не должен...

М а й я . Разве в этом есть что-то... предосудительное?..

А в е л ь . Нет...

М а й я . И потом, я уже взрослая!

А в е л ь . Я знаю!..

М а й я . И должна зарабатывать! Помогать маме.

А в е л ь (*горячо*). Да, конечно!.. Скажите, а что это за храм?.. Такой огромный, с золотым куполом...

М а й я . Это Исаакий. Ну, то есть собор Святого Исаакия Далматского. С его галереи видно еще больше чудесного, чем с нашей крыши. Вам надо туда сходить.

А в е л ь . Обязательно. Но наверх, наверное, ведет крутая лестница...

М а й я . Лестница? Ах да, винтовая. Очень крутая. Я не подумала: вам нельзя туда.

А в е л ь . Да? Вы не советуете?..

М а й я . Лучше не надо.

А в е л ь . Спасибо... Можно я тоже дам вам совет?..

М а й я . Ну, конечно.

А в е л ь . Вам тоже не надо туда.

М а й я . Куда?

А в е л ь . Где пальмы и бабочки.

М а й я . Ну, знаете!.. (*Встает.*) Я благодарю вас за прогулку, ваше сиятельство... За советы... Дальше я справлюсь сама. (*Уходит.*)

Затемнение.

Кирьянов со своей тележкой останавливается возле комнаты Авеля.

К и р ь я н о в . Але!.. Генацвале!..

А в е л ь . Заходите, открыто.

К и р ь я н о в . Вот и плохо, что открыто.

А в е л ь . Вас что-то беспокоит?

К и р ь я н о в . Да, беспокоит. Все гады. Все сволочи. Эгоисты. Никому не верь. Никому не давай!..

А в е л ь . А вам я могу верить?

К и р ь я н о в . Мне верь! Естественно! И я тебе верю. Вот позволь у тебя поставить?

А в е л ь . Вот это?

К и р ь я н о в . Да. Только на ночь. Утром возьму.

А в е л ь . Да-да, конечно!..

Кирьянов вкатывает тележку в комнату Авеля.

К и р ь я н о в . А это положи в шкаф. (*Снимает с тележки и отдает ему кейс.*) Хороший вид от тебя. (*Глядит в окно.*)

Авель. С той стороны мне больше нравится.

Кирьянов. Ну, нет, там крыши и крыши. А тут жизнь идет. Магазины, мастерские... Народ туда-сюда... Вон мой ларек, видишь?.. Третий с краю. Иногда ведь выглядываешь. Если чего увидишь — приди скажи.

Авель. А что я могу увидеть?

Кирьянов. Ну, взламывают, например... А то, не дай бог, пожар!

Авель. Да, конечно!..

Кирьянов. Мой совет — закрывайся. Люди тут живут всякие.

Авель. Добрые люди. Хорошие люди.

Кирьянов. Чудак ты, генацвале. От такой жизни люди не могут быть добрыми. Тут живут злые. Подозрительные. Завистливые тоже живут. Всех ненавидят.

Авель. За что?

Кирьянов. За свою несчастную долю. За свое убожество.

Авель. Ненавидят только рабы. Вы тоже такой?

Кирьянов. Нет! Я не раб. Я хозяин.

Авель. А где ваше хозяйство?

Кирьянов. Вот и вот!.. И там! И там тоже!.. Со временем это все будет мое. Перегородки рухнут, стены снова увидят друг друга. Скажите, а вы правда — князь?

Авель. Да, мы из старого рода.

Кирьянов. Светлый князь, тогда вы поймете меня! Я хочу по-старинному. Это ведь зала! Тут полонез можно танцевать. Нет?.. А там анфилада. Там — камин! Там зимний сад!.. И здесь надо жить по-другому. Тут будет много света, сияющего стекла, хрусталя, промытого до синевы. Тут будет бронза и запах березовых дров из камина.

Авель. Вы уверены?

Кирьянов. Да! Вы увидите. Я приглашу вас в гости... вместе с княгиней. Вы, пожалуйста, к тому времени женитесь.

Авель. Вы — максималист?

Кирьянов. Именно! Вы угадали. Кой черт тратить жизнь на миниатюрные цели? Если уж изобретать двигатель — то вечный! А?.. *(Смеется.)* Вы не считаете? Если зарабатывать — то миллион! Правильно я говорю? Один раз у меня почти получилось. *(Подходит к останкам гоночного автомобиля, висящим на стене, гладит их.)*

Из своей комнаты выходит Кассандра.

А если любить, то до смерти...

Кассандра. Авель, голубчик, ты не спустишься за почтой?

Авель. Да, сейчас!..

Кирьянов. Тебе надо идти. А жаль. Я бы тебе кое-что рассказал. Нет, не про них, ну их к черту! Про себя. Никому не рассказывал.

Авель. К вашим услугам. *(Идет к выходу.)* Заходите в любой час дня.

Кирьянов. Погоди!.. Мой совет — закрывайся. Запирай дверь и с той, и с этой стороны.

Авель. Хорошо. Спасибо. *(Хочет уйти.)*

Кирьянов. Стой! *(Подзывает Авеля. Тихо.)* Парень! Я эту девчонку люблю. Для нее и стараюсь. Самому мне миллиона много, я и на сто рублей проживу. Мне ей не доказать, скажи ей, что я все для нее сделаю. Она тебе поверит. И пусть в Сингапур не ездит! Нечего ей там делать. Когда-нибудь я сам ее отвезу.

Расходятся.

Галемба (*выходя из уборной, читает*). Коллективизм — это коренной смыслообразующий признак нашего социалистического общежития... его духовное завоевание, пришедшее на смену затхлому буржуазному индивидуализму. Гениально! Давно такой белиберды не читал.

Сокольников. Где вы это взяли?

Галемба. Там, в ящике для бумаги.

Сокольников. Как он туда попал?

Галемба. А где ему быть?

Сокольников. Это документ из моего архива. (*Отнимает листок.*)

Расходятся.

Галемба. Сумасшедший дом, князь. Какие-то архивы в отхожих местах... Тележки с товаром... Может, так надо? А просто я утратил ощущение нормы... Скажи, если я сейчас пушусь в пляс? Это будет норма?

Авель. Танец — это нормально. И если люди вдруг хотят запеть, то это тоже в порядке вещей. Это естественно! Разве нет?

Галемба. Да?..

Авель. Да-да! Мы так считаем.

Галемба. Ну, так... запоем?..

Авель запекает «Сулико» по-грузински. Галемба удивленно смотрит на него и вдруг начинает подпевать вторым голосом по-русски. Елена выходит из комнаты и садится за рояль. Все жильцы оказываются на пороге своих жилищ.

Голоса. Bravo, bravo!..

Галемба. Bravo. Это было духоподъемно. Будем петь по несколько раз в день. А может, и по ночам.

Затемнение.

Возле комнаты Авеля появляется Сокольников с фибровым чемоданчиком в руке.

Сокольников. К вам запись или живая очередь? (*Посмеивается.*)

Авель. Ко мне? Извините, но я ничего про это не знаю. Очередь за чем?

Сокольников. Не за чем, а к кому. Говорят, у вас тут исповедашня...

Авель. Ну, что вы!..

Сокольников (*горячо*). Нет-нет, не надо этого стесняться! Мы так все в этом нуждаемся! Двадцать четыре часа в сутки... Глаза в глаза... Локоть в локоть... Как в пересыльной тюрьме... Устаешь, согласитесь... Вы свежий человек, чистый, искренний...

Авель. Я прошу вас... Не оправдывайтесь! Будьте со мной откровенны. Если я что-то могу для вас сделать...

Сокольников (*Авелью*). Да, можете. Но имейте в виду, перегородки тут исключительно символические. Многие даже не заслуживают названия стен. Так, какие-то ширмы. Соответственная и слышимость. А посему только и слышишь: а вот я князю скажу! Ну, пошли к князю, пошли!.. Или еще: нет, это не моего ума дело, это вопрос княжеский. Что вы на это скажете?

Авель. Но как же я могу оценивать то, чего сам не слышал?..

Сокольников (*смотрит в окно*). Какой вид от вас!.. Панорама!.. Взглянешь — и перед тобою вся твоя жизнь. Вот Большой дом. Видите, доминирует... Вот «Кресты».

Авель. Церковь?

Сокольников. Э, нет, тюрьма!.. Кстати, хорошо раньше строили. Учитывая права и потребности, так сказать, потребителя... Площадь, кубатура... Но я не об этом! Я пришел вам сказать, что ищу наследника.

Пауза.

Да-да, у меня есть наследство.

Авель (*тревожно*). Ценное?..

Сокольников. Весьма ценное... Мне нужен наследник, которому я могу передать... Я подумал, что им могли бы стать вы.

Авель. Я?..

Сокольников. Да-да!.. Мы оба люди верующие.

Авель. Вы верующий?..

Сокольников. Да-да!

Авель. Но вы не перекрестились на образ.

Сокольников. Нет-нет!.. Я верую в другое учение... То самое, которое всесильно, потому что верно. А наследство мое вот... (*Открывает чемоданчик. В нем — кипа газетных вырезок.*) Видите?.. Это свидетельства злодеяний, прозрений, раскаяний... и новых злодеяний!.. Видите?.. Вы посмотрите... Стоит их внимательно прочитать, сопоставить, и откроется истина!..

Пауза. Авель перебирает бумаги.

Авель. Боюсь, что нет. Откроется пропасть, в которую упал человек...

Сокольников (*в растерянности*). Вы думаете?..

Авель. Но и это нужно знать!

Сокольников. Может быть, вы и правы... Но важно сохранить... Уже растаскивают... (*Смотрит с надеждой.*)

Пауза.

Пожалуйста, князь...

Авель (*подчеркнуто церемонно*). Я соглашаюсь принять ваше наследство и вступить в права наследника. Нужны какие-нибудь формальности? Нотариальные заверения?

Сокольников. Нет-нет, благодарю вас!.. (*Передает чемоданчик. Авель принимает двумя руками.*) Теперь я спокоен. (*Уходит, оглядываясь.*)

Авель молится перед иконой. Входит Елена.

Елена. Милый князь!.. Добрый князь! Помолись за меня! Помолимся вместе! (*Бухается рядом с ним на колени, закатывает глаза.*) Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас.

Авель. Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас.

Вместе. Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас.

Авель. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Осеняют себя знаменем.

А в е л ь . Встаньте, прошу вас. (*Поднимает Елену.*) Что случилось?

Е л е н а . Личная жизнь, понимаете, князь, загублена.

А в е л ь . Да, но вы еще молоды...

Е л е н а . Нет-нет, не утешайте меня, все напрасно, мы обе погибли.

А в е л ь . Кто еще?

Е л е н а . Дочь! Моя бедная дочь...

А в е л ь . Майя?

Е л е н а . Да. Я плачу, князь, я плачу, но тихо. А хочу кричать белым криком!

А в е л ь . Кричите, вам будет легче.

Е л е н а (*раздумывает*). Да?.. Соседи вызовут санитаров. У нас не принято. А то бы крик стоял в двадцать глоток. Мы терпим. И плачем... Такая у нас страна. Такова наша ментальность!.. (*Рыдает. Кричит в сторону двери Паши Куделина.*) Эй, вы, слышите?.. Она не поедет!.. Она не будет никого экскортировать! Я против! Это не для нее! У нее другая судьба!..

И тут ее монолог подхватывает А в е л ь . Он делает это с помощью грузинского языка и жестикюляции так выразительно, что послушать его выходят все, кто оказался дома. Он заканчивает свою страстную речь по-русски, фразой, известной каждому жителю Тбилиси.

А в е л ь . Клянусь мамой!

Звучат аплодисменты.

Е л е н а (*меняет тон*). И передай своему вонючему бизнесмену, что в нашем курятнике ему не обломится! Пусть поищет в модельных салонах! Или на кастингах! Или... сам знаешь где.

Звучат аплодисменты.

П а ш а (*появляясь в дверях*). Ну, и правильно. Я все понял. Но зачем так кричать? Найдется другая, дело большое. Сингапур, конечно, сказочный город. Но всему свое время.

Е л е н а . Будет и на нашей улице Сингапур! Правильно, А в е л ь ?

А в е л ь . Я думаю, будет. Успокойтесь.

П а ш а . Осталась мелочь. Вернуть деньги.

А в е л ь . Какие деньги?..

П а ш а . Которые были выданы на одежду. Тысяча баксов. Было такое?

Е л е н а (*в растерянности*). Тысячу долларов?.. Но вы не предупредили... (*Бурно*) Да, конечно!.. Да-да, мы вернем!

А в е л ь . Они вернут.

Е л е н а . Конечно, вернем. А в е л ь , спасибо! Как вы мне помогли! С меня будто тяжесть упала! А в е л ь , дорогой, позвольте вас поцеловать... (*Целует его.*) А в е л ь , друг мой, если б вы знали, как я одинока... Не бросайте меня. Как я одинока... (*Уходит к себе.*) Боже мой, как я одинока...

К а с с а н д р а (*входя в комнату Авеля*). Это что?

А в е л ь . Это Кирьянов попросил подержать, у него тесно, должно быть. Он заберет.

К а с с а н д р а . Будь осторожен, А в е л ь . За этим Кирьяновым числятся какие-то темные дела и темные люди. И если однажды сюда явятся с обыском, я не удивлюсь. У те-

бя надо проветрить. (Отворяет окно.) Съезди пока на лифте к почтовому ящику. Елена имеет обыкновение вынимать мои газеты и читать их за завтраком. А зачитанные газеты в жирных пятнах мне не нужны.

Авель уходит. Кассандра внимательно осматривает поклажу, оставленную Кирияновым. Открывает шкаф, пробует открыть кейс, но он заперт на два замка. Кассандра качает головой.

Затемнение.

Следующая сцена вопреки театральным канонам совсем не имеет действия и весьма бедна на диалоги. Главным ее событием станет закат: яркий, насыщенный, быстро меняющий краски и очертания, — видимый во всю широту окоема. Поскольку сценически он происходит где-то поверх зрительного зала, то игра света отражается на лицах жильцов, когда они, сменяя друг друга, подходят к панорамному окну и зачарованно смотрят вдаль. Несменяемый здесь лишь один — Авель. Он затаился на краю окна почти что в оцепенении перед открывшимся зрелищем.

В холле звучат в исполнении Галембы элегические мелодии то ли из симфоджазовых композиций времен Рэя Кониффа, то ли из не успевших еще устареть импровизаций Джона Леннона. В своем обычном стиле, который ненавязчиво диктует диван-рекамье, полувозлежит умиротворенная Елена.

Елена. А сейчас будет белая ночь.

Автор был бы чрезвычайно благодарен тому режиссеру, который не пожалел бы времени на эту бессобытийную и бессловесную сцену.

Бурный закат угасает. Город и небо над ним готовятся к приходу белой ночи.

В холле зажигают торшер. Елена вяжет на спицах, курит. К ней приближается Авель. Музыка уходит на второй план, а потом и вовсе утихает.

Елена. А, это вы... Вы что-то хотели сказать?

Авель. Я... Да, я хотел сказать...

Елена. Внимательно слушаю.

Авель. Вам нехорошо.

Елена. Та-ак... Дальше.

Авель. Можете располагать мною.

Елена. Да? В каком смысле?

Авель. Вы говорили, что вам так одиноко.

Елена. Я? Когда? Разве я так говорила?..

Авель. Мы вместе молились...

Елена. Да?

Авель. За вас. За вашу дочь...

Елена. А что с ней?

Авель. Какие-то люди...

Елена. А-а, нет-нет, Авель, вы что-то напутали. Дочь всегда была при мне и в полном — вы слышите — в полном порядке! Я для нее ничего не жалела. Мое одиночество — это лишь видимость, Авель! Мой каприз. (Встает. Подходит, берет его за руки.) Прихоть!.. Ах, Авель!.. Милый вы человек. Понимаете, мне так угодно сегодня —

быть одинокой. И жалость к себе доставляет мне удовольствие... Иногда надо себя пожалеть. Кто там пришел?

Подходит Галемба.

Вы такой неземной, такой нездешний, да, Галемба?

Галемба. Это его дело..

Елена. Инфернальный!.. Да, Галемба?

Галемба. Что ты к нему пристала!..

Елена. Вы такой чуткий, спасибо. Давайте выпьем вина.

Авель. Мне нельзя.

Елена. Пейте, пейте, мне тоже нельзя! Вы такой пылкий, отзывчивый к чужому горю. Сыграй нам, Галемба, что-нибудь меланхоличное, мы потанцуем.

Галемба снова садится за рояль. Звучит танго.

Пойдемте, Авель, я вас умоляю!..

Елена и Авель танцуют.

А вы что подумали, Авель? Вам захотелось утешить меня, да? Ах, дурачок, бедный мой Авель. Я сильная женщина. Предприимчивая. Волевая. Как раз вровень эпохе...

В холле, у своей двери, появляется Кассандра. Пытается понять, что происходит.

Кассандра. Елена, не делайте этого!.. Я вам запрещаю!..

Елена. А что я такого делаю?

Кассандра. Это, если хотите, преступление!

Из своей комнаты выходят Паша с Анютой, тоже принимаются танцевать. Возле своей двери топчется Сокольников.

Кассандра. Вы погубите мальчика!

Елена. Здесь не люди живут, а гиеноподобные твари. Я вынуждена подчиниться, князь. С Кассандрой лучше не связываться. *(Отпускает его.)*

Галемба *(завершая игру)*. Чем необычней, чем абсурдней, малыш, тем больше гарантии, что это реальная жизнь. Чем хуже, тем лучше, пойми!

Авель. Лучше, когда хорошо.

Галемба. Боюсь, что я утратил критерии. Я не знаю, где мне хорошо, а где плохо... Где я могу находиться, а откуда должен бежать со всех ног... И на всякий случай, у меня развилась мания уходить отовсюду. Не успею войти, а уже тянет к выходу. От всех приятелей ушел... нет, без скандала... Исчез... Снять телефонную трубку для меня мука. Одеться, пойти куда-нибудь — катастрофа! Ты веришь, нет?.. И постоянно над моею жизнью звенящая струна несчастья!

Елена. Дзынь!..

Галемба. Иди к черту!

Елена. А что? Звук лопнувшей струны. Вполне театрально.

Входит Майя. Она в деловом костюмчике. В руках у нее фирменная сумка с покупками. Наступает долгая пауза. Галемба идет к роялю и берет несколько торжественных аккордов. Елена сидит в оцепенении, не сводя с нее глаз.

Елена. Тебе к лицу... Все так и норовят тронуть рояль. Кто что, каждый свое... Чижик-пыжик, полонез Огиньского... Мурка... *(Бурно.)* Это мой рояль! Захочу, буду играть Шумана, захочу, оставлю его в чехле! И не дотрагиваться! Он и так расстроен... *(Уходит в комнату.)*

Занавес.

Действие второе

На следующий день ничего здесь не изменилось.

Елена на своем «рекамье» полулежит, вяжет на спицах. У двери, ведущей на крышу, Галемба кого-то высматривает. Это Авель сидит на кровле, согнувшись в три погибели.

Галемба *(в окно, тихо, ласково)*. Авель!.. А-вель...

Авель не реагирует.

(Елене.) Так и не выходил?

Елена. Нет. Засел крепко.

Галемба. А она что?

Елена. Майка?.. Ревет. У нее голодовка.

Галемба. А у этого молчанка. Вот публика...

Елена. Я было вскипела поначалу.

Галемба. Вчера? Да я видел.

Елена. А потом думаю: а я б устояла?.. Фирменный прикид. Чуть устарелый, должно быть... ну, что ж...

Галемба *(в окно)*. Авель!.. Ты смотри там поаккуратней... Все проржавело... перила шатаются. Сто лет им... *(Елене.)* Я не выхожу, боюсь. Один раз попробовал, куда-то нога провалилась... Слышишь меня, Авель?.. Ты подальше от края. Подальше!.. *(После паузы отходит.)* Да-а, кажется, их заклинило. А костюмчик хорош. Бизнес-леди.

Елена. Там еще платье.

Пауза.

Галемба. Да я понимаю. Ну, и что решили?

Елена. А что ни решишь, все — кирдык. Не знаю, где денег взять.

Появляется Кассандра. Она проходит к окну, ни на кого не реагируя, кладет на подоконник куртку Авеля.

Кассандра *(в окно)*. Наденешь. У нас тут не Авлабар... *(Кладет рядом сверток.)* Тут еда. *(Ворчит.)* За почтой сходить некому... *(Идет обратно.)* Нашли себе забаву...

Елена. Я съезжу.

Кассандра. Кстати, когда вынимаете из ящика почту, будьте предельно внимательны. Мы ждем уведомления. Оно может выпасть!.. (*Уходит, ворча.*) Ищи потом... Ничего не докажешь...

Галемба. Она права. (*Отходит к окну.*) Авель, малыш, мне скучно без тебя. Я остался без собеседника... Не хочешь выходить — и правильно делаешь. Смотреть здесь не на что... (*Пауза.*) А главное — не на кого. Вот сидит, как всегда, с сигаретой и чашкой кофе... сам знаешь кто. Типа, змея...

Елена бросает в него свою тапку, он едва уворачивается.

От нее весь змеюшник... Ты это понял уже?..

Елена (*миролюбиво*). Неправда, я человек искренний! Меня любят. Люди тянутся ко мне.

Пауза. Из своей комнаты выходит Сокольников. Направляется в уборную.

Галемба. Вот вышел Сокольников... Глаза бы мои его не видели. Уж как надоел со своим социалистическим выбором. Тут, понимаешь, тектонические пласты гудят, скрежещут... Континенты ворочаются... А у него все буби козыри.

Сокольников. А что изменилось? Раньше меня грабили одни, теперь другие... А меня как раньше, так и теперь не ограбишь. Потому что у меня ничего нет. (*Уходит.*)

Галемба. Понимаешь, малыш, все здесь и должно быть отвратительно... Ты не поверишь, но здесь цветы вянут.

Елена. Вранье. У меня столетник стоит уже...

Галемба. Сто лет?

Елена. ...Лет пятнадцать.

Сокольников (*появляясь из дверей уборной*). Вы думаете, что я ел до войны? Пайку! А после войны? Пайку! А теперь? То же самое. Рацион!.. Разница только в нормах выдачи.

Галемба. Этот все о желудке. Конченный человек. Анальная личность.

Елена. А тебе о чем ни заговори, все не по-твоему.

Пауза.

Галемба (*в окно*). Вот только той, кого бы ты хотел видеть, здесь нет... Говорят, плачет. Горючими слезами... Голодовка у нее. Говорят, сухая... Ах, Авель-Авель... не успел приехать... (*Качает головой.*)

Авель. Скажите ей: я найду деньги. Ей нельзя ехать в Сингапур.

Галемба. Найдет он деньги...

Возле своей двери топчется Паша.

А вот еще один господин! Стервятник! Ждет, когда овечка отобьется от стада. Понимаешь, этот подлый тунеядец ухитрился никогда не работать: ни до, ни после. Ни при социализме, ни при этом... катаклизме. И ничего, жив! Смотрите, какая ряха. А главное — никаких комплексов... Сейчас он снова пойдет отдохнуть.

Паша. Вали, вали. (*Елене.*) А ехать я бы советовал. Что характерно, Автандил Амиранович обаятельнейший человек. И порядочный! (*Уходит.*)

Галемба. Надо вернуть наряды.

Елена. Куда?! Это не магазин. Это блатная депутатская точка. По-моему, чей-то переполненный гардероб. Чека нет... Хорошо, если возьмут обратно за полцены...

Галемба. Я знаю. Костюмерная театра иногда у них покупает.

Елена. А вообще такие вещи не возвращают. Сугубая фирма. Эксклюзив!

Галемба. Вот бабы... Вечно во что-то влезут... Чем я могу помочь?

Пауза.

Нет, кроме шуток.

Елена. Ну, спасибо. *(Пауза.)* Что ты знаешь о Греции?

Галемба. Ах, так?... Ну, вообще много. Во-первых, это родина демократии. Во-вторых, там все есть...

Елена. Достаточно. Примешь участие в радиоконкурсе.

Галемба. Почему я, а не ты?

Елена. Уже приняла. Я эти вопросы составляла. И свое уже получила. Пошлешь ответы, которые я тебе дам. Первую премию гарантирую.

Галемба. О, мать божья!.. Но это же, наверное, не деньги, а слезы...

Елена. Кот наплакал. Предложу им второй конкурс. «Что ты знаешь о Сингапуре?» Снова победишь.

Трезвон звонков входной двери. Особенно яростно надрывается звонок Кирьянова. Галемба идет открывать. В холл выходят и другие жильцы. Входит Бугор со свитой.

Бугор. Так, мужик... Ты кто?

Галемба *(опешив, после паузы)*. По-вашему, так входят в чужую квартиру?..

Бугор *(проходит)*. Не зуди. Мне с тобой говорить не о чем. Кирьянов где?

Галемба. Прямо. *(Отходит.)*

Бугор дергает дверь Кирьянова, стучит.

Бугор. Кирьянов! Кирьянов!..

Кассандра. Значит, его нет.

Бугор. Нет, так будет. Появится, скажите: счетчик включен.

Кассандра. Что?

Бугор. Счетчик, мол, включен. Вот так и скажите.

Кассандра. Вы по электросчетчикам?

Бугор. Я?.. Нет. По электропаяльникам. *(Усмехается.)* Также по электроутюгам...

Визитеры, переглядываясь, смеются.

Но сначала по счетчикам. *(Двигается к выходу.)* Тик-так!.. тик-так!.. *(Хохочет.)*

Кассандра. Ничего не понимаю...

Визитеры весело уходят.

Кто это?

Анюта. Волки!

Галемба. Неправда. Шакалы.

Паша. Санитары леса. Кто долги вовремя не отдает.

Все расходятся по комнатам.

Галемба присаживается возле Елены.

Елена. Ну, что там?

Галемба. Ничего. Разберутся. Похоже, что Кирьянов попал в задницу.

Елена. А он оттуда и не выходил.

Открывается дверь Кирьянова.

Легок на помине.

Озираясь, Кирьянов потихоньку выходит из комнаты и на цыпочках направляется к выходу на крышу. В руках у него рюкзак. Проходя мимо Елены и Галембы, он прикладывает палец к губам.

Его ни там нет, ни тут.

Галемба. Не возражаю. *(Отворачивается.)*

Кирьянов, оглядываясь, выходит на крышу, затворяет за собой дверь. Садится рядом с Авелем. Долго молчат.

Кирьянов. Ну, что, соперниками стали?

Авель. Я никому не могу быть соперником.

Кирьянов. Что так?

Авель. А ты не знаешь, что мне предстоит?

Пауза.

Кирьянов. Ну, это от медицины зависит. К кому попадешь. У тебя, я знаю, профессор... А я вот, считай, не жилец. За мной приходили.

Авель. Кто?

Кирьянов. А те, что в аду у котлов стоят. Помешивают... Дровец прибавляют.

Пауза.

Авель. Не надо так. На все Его воля.

Кирьянов. Ну, а ты что же своевольничаешь? Заранее себя...

Авель. Я смиряюсь.

Кирьянов. И ей насоветовал?

Авель. Нет.

Кирьянов. А как же? Нужны деньги.

Авель. У меня есть.

Кирьянов. Откуда?

Пауза

Авель. На операцию.

Пауза.

Кирьянов. Много?
Авель. Три тысячи.

Пауза.

Кирьянов. Небогатое у тебя княжество?..
Авель. Небогатое.

Пауза.

Кирьянов. Хороший ты человек... Никому так не верил... Я плохой. Жадный... Там, в твоём шкафу, кейс. В нём десять тысяч... По-разному собраны... Не скажу, что все праведным способом... Но не воровал, нет!.. И не убивал!..

Авель. Я знаю.

Кирьянов. Слушай, у меня все в жизни было. Вот гляди! Мужская победа! Слава победителя. *(Не видя на лице Авеля одобрения.)* Ну, все-таки третье место в областном авторалли...

Авель. Да. Ты прав.

Кирьянов. Богатство! Хотя и несправедное...

Авель. Да, конечно.

Кирьянов. Жадничал!.. Я на этом и попался. Не люблю отдавать!..

Авель. Ну, а еще?..

Кирьянов. Еще?.. *(Собравшись с духом.)* Любовь!..

Авель. Да.

Кирьянов. Это неважно, что безответная?.. Мне зачтется?

Авель. Бескорыстная еще дороже.

Кирьянов. Была любовь, была!..

Авель. Почему была? Есть.

Кирьянов. Чего не хватало в моей жизни? Скажи! Ты должен знать...

Авель. Чего не хватало?.. Веры.

Кирьянов. Это как?.. Поверить безоглядно, чтоб тебя кинули, да?.. А потом еще посмеялись?.. Да у меня вся жизнь прошла с этим припевом: обманули дурака на четыре кулака! Обманули дурака... Хрен вам! Вот вам! Вот!.. *(Неприличные жесты.)*

Пауза.

Авель. Остынь... Как же ты мне поверил?

Кирьянов. Не знаю. Ты не отсюда.

Авель. Я из Грузии.

Кирьянов. Нет, нет!.. Не знаю, как это назвать.

Авель. Ты боишься назвать имя, которое все объясняет.

Кирьянов. Бог, что ли?.. А его нет.

Авель. Кто же тебя научил так любить?

Пауза.

Кирьянов. Само получилось.

Пауза.

А вель. Куда ты собрался? *(Пристально глядит Кирьянову в глаза.)*

Кирьянов *(беспокойно посмеивается)*. А что, видно, да? Налицо приметы побега?.. Куда мне собираться... Вот достали меня... Они всюду найдут. Раз я на счетчике... Беги не беги. Либо все отберут, что накопил... Либо жизнь отберут... да еще замучают... Попробую...

Пауза.

Я ей все хочу отдать... Раз любовь... Ну, а для чего они?.. У меня никого больше нет. Ты отдашь. Вот ключ.

А вель. А сам?

Кирьянов. Нет. Боюсь... Будет спрашивать... отчего да откуда... Еще откажется. Она ведь чистая.

А вель. Когда ты хочешь, чтобы я передал? Сейчас?

Кирьянов. Нет. Тут, понимаешь, какое дело... Мне нельзя им в руки попасть... Я не выдержу. Наведу...

А вель. И на меня?

Кирьянов. Да...

А вель. А если придут?

Кирьянов. Отдай сразу... Слаб человек... Не такие, как я, не выдерживали... Дай время уйти. Дам сигнал, когда буду недосыгаем.

А вель. А тебе с собой разве не надо?

Кирьянов. Сколько надо, у меня есть.

Пауза.

А вель. Все сделаю, как ты сказал.

Кирьянов. И никому об этом, ты понял?

А вель. Да.

Кирьянов. Спасибо тебе. Прощай.

А вель. Храни тебя Бог!.. Прощай.

Кирьянов уходит в глубину чердака.

Затемнение.

Увлеченный своими размышлениями, по холлу бредет Сокольников.

Сокольников *(останавливается возле двери Елены)*. Зачем порочить нашу жизнь? Зачем? Мы хорошо жили, дружно и справедливо. *(Двигается по кругу, останавливаясь то у одной двери, то у другой.)* Друзья, друзья, согласитесь, все у нас хорошо, все есть — тепло, свет, пища. Мы вместе, а это главное. А вы хотите разбрестись по одиночным камерам? Я говорю вам — это страшно! Я заклинаю вас — это гибель! Умоляю вас, не надо!.. Давайте жить вместе! Все есть — тепло, свет, пища.

Галемба. Параша. Представляю, сколько отсюда дерьма растечется по другим домам и квартирам! Сколько зла!..

Сокольников. Нет, не параша!.. Уборная. Унитаз. Все хорошо. Все друг за друга. Хотите, я буду полы мыть? Курить брошу?.. Не оставляйте меня. Вы — мои сокамерники. Моя семья.

Елена. Ну, не знаю!.. Не знаю, Сокольников, что вы здесь нашли... Надо бежать друг от друга, не оглядываясь! *(Галембе.)* А меня, между прочим, ты бы мог сохранить.

Галемба. Как? Каким образом?

Елена. Делаешь вид, что не понимаешь... А если б вовремя, у нас могло бы образоваться нечто оригинальное...

Галемба. Ну, полно, полно фантазировать!..

Елена. Галемба, а ведь могло бы!.. Могло!..

Галемба. Ну, не знаю...

Елена. Могло-о!.. Галемба, ты был тогда так игрив!.. И так жовиален!.. И я тебе нравилась.

Галемба. Не помню.

Елена. Не помнишь? Он делает вид, что не помнит. Ну, это нечестно, Галемба, нечестно!..

Галемба. На мне всегда была Соня.

Елена. А это еще до Сони!.. Ждешь?

Галемба. Жду.

Елена. А если в глаза?..

Галемба. Вопрос сложный...

Елена. С такими разводят без разговоров.

Галемба. Соня — мой крест! И точка. И моя любовь... *(Отходит.)*

Елена *(закатывает глаза)*. Ах, любовь!.. *(Напевает из «Кармен».)*

Галемба. Сокольников, успокойтесь!.. Найдете себе другую коммуналку. На худой конец общежитие...

Анюта. Он по ночам выходит сюда и скулит.

Елена. И дверь не закрывает. Вы думаете, приятно слышать ваш храп?..

Галемба. А что хорошего-то было, папаша?

Сокольников. А пятерочка?

Галемба. Я обронил, вы вернули? Эка невидаль.

Сокольников. И еще, и еще!

Галемба. Ну, чайник выключили. Что еще-то?

Сокольников. Ну, многое, многое... А взгляды?

Галемба. Добрые, что ли?

Сокольников. Да!

Галемба. А завистливые?

Сокольников. А ободряющие?

Галемба. А испепеляющие?

Сокольников. А виноватые?

Галемба.. А бесноватые?

Сокольников. А... а добрые?

Галемба. Нет, Сокольников, на весах нет баланса: там тяжело, тут пусто. Будем разъезжаться.

Сокольников. Нет-нет-нет!..

Галемба. Да-да-да!..

Сокольников. Что скажет юноша?

Галемба. Это князь, как можно!..

Сокольников. Ну, да. Пусть будет князь. Хотя князей мы всех прогнали...

Авель. В Тбилиси мы живем в доме, где много квартир. И все они связаны галереями.

Сокольников. Это как?.. Снаружи или внутри?

Авель. Внутри двора. По фасаду мы все по отдельности. А внутри — мы одна семья.

Сокольников. Вот!.. Принцип социалистического общежития! И если вы посмотрите проекты Корбюзье...

Елена. К черту Корбюзье! Это прохвост и фальсификатор!
Галемба. Это гениальный новатор!
Елена. Это ничтожный провокатор!
Галемба. Да!
Елена. Нет!
Галемба. Да!
Елена. Никогда!
Галемба. Всегда!
Елена. Ни в жизнь! Никогда! Во веки веков! *(Истово крестится.)*
Галемба *(после паузы)*. Мать, успокойся. Пусть будет по-твоему.
Елена. Галемба, я тебя обожаю!..

Звонки входной двери. Все осветительные приборы приходят в движение. Голоса в прихожей, появляются люди.

Женский голос. Мы с первого этажа! Кто-то с крыши упал!..
Мужской голос. Вот сию минуту брякнулся!
Женский голос. Спуститесь, посмотрите, ваш, не ваш?!.
Мужской голос. Вызвали! «Скорую» вызвали!.. Да что толку...

Шум голосов. Мельтешение огней. Постепенно они гаснут. Дольше всех пульсируют автомобильные фары. Но и они угасают. Ревет сирена «скорой помощи».
Затемнение.

В комнате у Галембы сидит Авель. Играет музыка, поет Пласидо Доминго, что-то из «Тоски» или «Богемы». Какое-то время молча слушают. Галемба снимает пластинку. Допивает вино из стакана.

Галемба. Вот мы и помянули. Я даже не знаю, как его звали..
Авель. Максимом. Все доводил до максимы.
Галемба. Что был за человек? Чем жил?..
Авель. Страстями.
Галемба. Ты что-нибудь о нем знаешь?
Авель. Много.
Галемба. Когда успел..
Авель. Успел. Помолимся за него.
Галемба. Как?.. Я не знаю..
Авель. Само придет. *(Встает, вполголоса.)* Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Максима и прости ему все согрешения вольные или невольные, даруй ему Царствие и причастие вечных Твоих благ и Твоей бесконечной и блаженной жизни наслаждение. Аминь. *(Крестится с поклоном.)*

В продолжение молитвы Галемба встал, по окончании, не крестясь, кланяется. Долго молчит.

Галемба. Спасибо тебе, мой драгоценный. Как легко стало.
Авель. Я знаю.

Сидят молча какое-то время.

Галемба. Если честно, мне тут хорошо. Я не знаю, лучше ли мне будет без них... *(Наливает вино.)* Жизнь прожита! Я банкрот, князь. *(Приветственно поднимает стакан, выпивает.)* Начинать все сначала?.. По секрету?.. *(Как бы доверительно.)* Силы есть, но так неохота!.. А чтобы не было мучительно больно... Нет, путь Кирьянова мне не подходит!.. Нужен допинг. Это либо вино, либо любовь. Ничего лучше человечество пока не изобрело. А вообще, князь, не бери в голову. Что тебе, своих проблем мало?.. Господи, как мне все ясно! Какая кристально чистая видимость! Вижду! Князь, я вижду!

Авель. Что?

Галемба. Решительно все! Про себя, про них.

Авель. А про меня?..

Пауза.

Галемба. Вот тут я умолкаю. Прости, князь, но тебя ведет Господь Бог. За тебя! *(Пьет.)* И знаешь, малыш, к чему я прихожу, общаясь с тобой? К простым и обычным вещам. В режиссерской методологии. Не хрена выдумывать. Надо просто говорить с людьми о том, что их волнует. Вот как я с тобой говорю... и как ты говоришь со всеми нами... Зачем входить в образ? Маску натягивать... Молчи, молчи!.. Ты мой театр, я тебе верю, весел ты или хмур... Словом общаешься или молчанием. О, какая сила в тебе, князь! *(Прислушиваясь.)* Кто-то пришел там... Это не к нам?..

Входит Соня.

Боже мой, это же Соня! *(Бросается к ней, обнимает.)* Как это?.. Почему не предупредила? Я бы пришел за тобой!.. *(Авелью.)* Это моя жена! София!

Авель и Соня здороваются.

А это — Авель, познакомься. Он князь!

Соня. Ах, это очень приятно. Это по какому произведению?

Галемба. Нет-нет, это по жизни! Ты все поймешь...

Авель. Простите меня, но я должен идти.

Галемба. Да-да, конечно...

Авель. Мадам!.. *(Поклонившись, уходит.)*

Галемба. Это удивительный юноша... Голубка моя, как я рад! Ведь вчера еще не было ничего определенного!..

Соня. О, какое счастье вернуться сюда! Милый мой! Я не хочу больше разлучаться!..

Они обнимаются.

Затемнение.

Авель и Майя сидят на крыше поодаль друг от друга. Майя, по обыкновению, в джинсах, майке, в стиле «свой парень».

Майя. Простите меня за те слезы!.. Я не поеду, это же ясно, неужели вы не понимаете? Мне стыдно, что я допустила слабость. И знаете, это очень мило было с вашей стороны мне запретить.

А в е л ь . Я запретил?.. Как я мог?

М а й я . Я не знаю. Пришла мама и сказала: князь запрещает. Правда, она еще кое-что добавила из области фантастики, но это она умеет.

А в е л ь . А, да... А вы простите меня... Может быть, я и сказал что-то похожее, но мне нестерпима была мысль, что кто-то распоряжается вашей волей...

В своем будуаре в одиночестве сидит Елена, как всегда, за одним из своих занятий — чтением, вязанием, пасьянсом, чаепитием, отгадыванием кроссвордов, игрой в «скрэббл» — или за всеми занятиями сразу.

Е л е н а (*завидев Соню, машет приветственно*). Со-оня!..

С о н я . О, здравствуй, Елена!.. (*Идет к ней.*)

Е л е н а . Офелия! В твоих молитвах, нимфа... (*Умолкает, увидев яростные знаки Галембы.*) С возвращением. (*Салонные объятия и поцелуи.*) Ты на побывку? Нет? Насовсем?..

С о н я . О, да!

Е л е н а . Без макияжа ты скорее похожа на Гертруду, чем на Офелию.

С о н я . Боже мой, мне же теперь все равно!

Е л е н а . Как я рада, что ты избавилась от своей фобии.

Г а л е м б а . Соня-а!.. (*Отчаянно жестикулирует. Выходит из комнаты.*)

Е л е н а . Что ему надо?..

Г а л е м б а . Соня!.. Иди помоги мне!..

Уводит Соню. За спиной показывает Елене кулак.

С о н я . Да, милый?

Г а л е м б а . Имей в виду, я буду скучать и ревновать тебя ко всем.

С о н я . О, нет, я не дам тебе повода!.. Я буду примерной женой и домохозяйкой.

Г а л е м б а . Я буду счастлив.

С о н я . И я буду счастлива! Мы оба будем счастливы!.. И всех, кто вокруг нас будем делать счастливыми!..

Г а л е м б а . Да, успокойся... Все будет по-твоему.

С о н я . И я не хочу, не хочу, не хочу, не хочу, не хочу!..

Г а л е м б а . Нет-нет!.. (*Прижимает ее к себе.*)

С о н яНе хочу быть Офелией!.. Хочу быть собой.

Г а л е м б а . Успокойся, родная моя... Так все и будет... Ты уже моя Соня!.. И нам больше никто не нужен.

На крыше, тесно прижавшись друг к другу, сидят Авель и Майя.

М а й я . Знаете, Авель, я вам скажу то, что обычно девушки первыми не говорят. А я возьму и скажу. Я влюблена.

Пауза.

А в е л ь . В меня нельзя влюбляться.

М а й я . Почему?

А в е л ь . Потому что я могу не вернуться из академии.

М а й я . Вот еще!.. Прекрасно вернетесь. И я вас буду звать не князем, а академиком.

А в е л ь . Это большая проблема. Трудно себе представить ее исполнение... Они должны открыть мое сердце и что-то там изъять, а что-то вставить...

М а й я . Пусть лучше вставят меня!

А в е л ь . Вы уже там! (*Берет ее руку.*)

Галемба держит Соню в объятиях.

С о н я (*освободившись*). Знаешь, я буду создавать вещи, которые приносят абсолютную радость, причем моментально! Знаешь, что я сейчас исполню?..

Галемба в страхе ждет.

Сварю тебе борщ! Ты хочешь борща?

Г а л е м б а . О, господи!.. Обожаю!..

С о н я .. По-моему, в холодильнике у меня была свекла...

Г а л е м б а . Я не съел ее, клянусь!

С о н я . Все найдется! Чего не будет хватать, попрошу у соседей. Я сварю борща на всех, и пусть угощается, кто пожелает. Ты не возражаешь?

Г а л е м б а . Прекрасная идея!

С о н я . Вот такую кастрюлю!.. С нами чудные люди живут, не так ли, милый?

Г а л е м б а . Да, конечно!.. Этот князь, Авель... тоже так считает.

С о н я . Он чудный! Он тоже будет с нами жить?

Г а л е м б а . Нет, он вылетит и улетит к себе в княжество...

С о н я . А, ну да!..

Г а л е м б а . Так, кажется... Это где-то в Грузии. Он молился о тебе!

С о н я . Я знаю!.. Ведь не просто же так произошло улучшение...

Авель и Майя сидят, взявшись за руки.

А в е л ь . Он любил вас.

М а й я . Я знаю... Но он не умел.

А в е л ь . Он умел. Но не так, как вам надо.

М а й я . А как?

А в е л ь (*после паузы*). На разрыв аорты. Кажется, так называется.

М а й я . Скажите... я должна быть благодарна ему?

А в е л ь . Да! И вы должны заказать по нему панихиду. Я вам помогу. А пока зайдите ко мне и примите то, что он вам оставил.

М а й я . Что это?..

А в е л ь . Я не знаю. (*Отворачивается.*) Какой-то кейс.. Вот ключ к нему. Но никто не должен об этом знать.

Затемнение.

Кастрюля дымящегося борща возвышается на столе, за которым хозяйничает Соня, ловко управляясь с половником. Все жильцы вышли из своих комнат.

С о н я (*разливая борщ в керамические плошки, из которых можно есть стоя*). Друзья, подходите!.. Всем хватит! Попробуйте и оцените то, что я наварила. По совести говоря, я давно не хозяйничала. Если чего-то не хватает — вот перец, вот соль!..

С о к о л ь н и к о в . А чеснок вы положили?

Соня. Да-да!..

Сокольников. Когда-то я ел борщ с чесноком. Это было на раскулачивании...

Галемба. Свят, свят, свят! Этого нам еще не хватает!..

Сокольников. Хозяева уехали, а борщ оставили...

Галемба. Не оставили, а вы у них отобрали!

Сокольников *(пожимает плечами)*. Может быть...

Кассандра. Господи, как хорошо, что я вас не пускала!..

Соня. Вам погуще или пожиже?

Кассандра. Пожиже и полпорции.

Паша. А мне бы погуще! А мясо покрошили?

Соня. А как же!

Анюта. Паша, ну, как не совестно! Сварю я тебе с крошевом...

Елена *(Галембе, в стороне)*. Господи, что за спектакль... Твоя режиссура?

Галемба *(вполголоса)*. Я тебя умоляю... Не надо!.. Об Офелии ни слова, ни звука!..

Елена. Да ради бога!

Соня. Лена, позволь я тебе налью!..

Елена. Я сыта. Разве что полповарешки... Для пробы. Все-все!..

Сокольников. Очень вкусно! Я бы от добавки не отказался.

Соня. С удовольствием, пожалуйста!

Анюта *(Соне)*. А вас с выздоровлением!..

Соня. Спасибо!

Сокольников *(Галембе)*. А говорили — ничего хорошего!

Анюта. А ведь одного не хватает!

Паша *(смущенно)*. Да-да... Отряд, как говорится, не заметил потери бойца...

Сокольников. Да! Был человек, и нет человека.

Анюта. А комната-то осталась.

И вот покатилося из конца в конец: комната!.. кому комната!.. нужна комната!.. лишняя комната!.. отдайте комнату!..

Анюта. Куделину полагается кабинет!

Елена. Взрослой девушке полагается спальня!

Кассандра. Всем нормальным людям полагается отдельная квартира!

Елена. Куделин, доколе?

Паша. Вопрос решается! Впереди расселение! Все под контролем!

Сокольников. Ну, вот снова. Зачем?..

Все. Комната!.. Квартира!.. Комната!.. Расселение!.. Квартира!.. Комната!..

Резкие звонки от входной двери заставляют всех замолчать. Кассандра открывает. Входит Бугор. Отстраняя Кассандру, по-хозяйски проходит к двери Кирьянова. Дергает ее, дверь не поддается.

Бугор. У кого ключ?

Кассандра. А вы кем ему приходились?

Бугор. Двоюродный кисель на троюродной воде. Открывай!

Кассандра. Почему вы мне «тыкаете»? Что это значит?

Бугор. Мое вам с кисточкой!.. *(Расшаркивается)*. Задолжал он мне, что, непонятно?

Галемба. Да-да-да!.. Все понятно. Предъявите расписку.

Бугор. Какую расписку? У нас дела были без бумаг. По понятиям... На слово. Деньги — товар.

Сокольников (*радостно*). Товар — деньги!

Галемба. Но дальше без формальностей не обойтись, я вас уверяю.

Бугор. Вот я и говорю! Надо составить опись. Поискать... Ведь с кем-то же он делился. Кому он доверял?

Сокольников. Мы все тут доверяем одному человеку — князю.

Бугор. Какому князю?

Елена. Что вы несете, старый идиот!..

Сокольников. Но мне же вы не доверяли?

Анюта. Вот князь!

Бугор. Ты князь? Это что, кликуха?..

Кассандра. Оставьте его в покое! Мальчик болен! Ему предстоит операция!

Елена. Уж князя-то вы не получите!

Галемба. Приходите с милицией. А сейчас — адье!

Бугор. Погоди, погоди! Ты кто тут?..

Галемба. Ты уже спрашивал! Два раза повторять не намерен!

Бугор. Ну, я не могу!.. Кто это?..

Галемба. Конь в пальто!

Бугор. Ну, погоди у меня!.. Князь! В твоих же интересах!.. Лучше дома! Скажи им!.. А то ведь придется на хате!..

Галемба. Что ты сказал?..

Бугор. Легче, легче!..

Галемба. Ты что, угрожаешь?.. Ему?..

Полукруг жильцов понемногу смыкается, Бугор оказывается прижатым к двери Кирьянова.

Елена (*выходя вперед*). А ты знаешь, что сейчас будет?.. Вот баллончик... Здесь нервно-паралитическое... Пахнет черемухой... Любишь черемуху?.. Одно твоё движение, и ты обвалишься на пол, как мешок отрубей... Потом мы тебя свяжем. Бельевой веревкой. А когда ты будешь лежать связанный, знаешь, что мы с тобой сделаем?.. Я, например, если все отвернутся, помочусь на тебя... (*С усмешкой оглядывает соседней*.) Я такая... Отчаянная! За князя на все готова...

Вперед выходит Соня. В руках у нее миска с борщом, которую она протягивает Бугору. Тот принимает. Лицо ее одухотворено, глаза горят.

Соня.

О, что за гордый ум сражен! Вельможи,

Бойца, ученого — взор, меч, язык;

Цвет и надежда радостной державы,

Чекан изящества, зеркало вкуса,

Пример примерных — пал, пал до конца!

А я, всех женщин жалче и злосчастней,

Вкусившая от меда лирных клятв,

Смотрю, как этот мощный ум скрежещет,

Подобно треснувшим колоколам,

Как этот облик юности цветущей

Растерзан бредом; о, как сердцу снесть:

Видав былое, видеть то, что есть.

Бугор в продолжение монолога ведет себя все более и более беспокойно, нервно ест борщ, переводя глаза с одного лица на другое, ища разгадки, сочувствия и, наконец, выхода. Не найдя ничего, охваченный страхом, он прорывает плотный заслон из жильцов и опрометью бежит к выходу.

Бугор (от двери). Я вернусь еще! Клянусь! Век свободы не видать! Князь, готовься!.. Вернусь не один!.. Поедешь на хату! (У двери жадно доедает борщ, ставит миску на пол и исчезает.)

Все стоят полуколыцом, будто парализованные. Галемба обнимает Соню и гладит ее голову, лежащую у него на плече.

Галемба (негромко). Бедная моя... Как ты себя чувствуешь?

Соня. Хорошо.

Галемба. А ему твой борщ понравился.

Соня. Только, я думаю, он уже остыл.

Галемба (оставляя Соню). Братья и сестры... (Пауза.)

Сокольников (просветленно, вполголоса). К вам обращаюсь я...

Кассандра. Чш-шш!..

Галемба. К вам обращаюсь я, друзья мои... (Почти шепотом.) На баррикады!..

Все. На баррикады!.. На баррикады!.. На баррикады!..

Елена. Руки прочь от князя!

Все. Прочь! Руки прочь! Бугор не пройдет!..

Все расходятся по своим комнатам.

Галемба (Авелью). Понимаешь, свобода — свойство или коренное, или благоприобретенное. По природе и воспитанию я не свободен. Да чего там, я трус!.. Моя свобода наигранная. Я годами могу дремать в состоянии полусвободы. Вялого оживления. Но меня, понимаешь ли, можно разгоношить, растормошить, разозлить до состояния свободы! О-о, тут я страшен! Тут я неукротим! Князь — ты моя свобода! Я ставлю на твоё сердце! Я тебе обещаю! Ты выживешь — и я буду жить!

Елена садится к роялю и играет финал фортепьянного концерта Чайковского. Или что-то иное. В холле начинается движение мебели. Жильцы тащат из своих комнат все, что попало под руку, и ставят возле входной двери.

Затемнение.

Так выглядит лагерь беженцев, или городская площадь в ночь землетрясения, или платформы метро, ставшего бомбоубежищем. Вот во что превратился холл в этот поздний час в результате призывов к сопротивлению. Кресла и раскладушки, диванчики и шезлонги так или иначе, с разной степенью комфортности служат жильцам, устроившимся здесь на ночь. Майя спит, свернувшись калачиком на диванчике-рекаме, положив голову на колени Авеля. Елена полулежит в кресле. Супруги Куделины, Паша и Анюта, устроились на узкой тахте вальтом. Ну, и так далее. Почти все в своей дневной одежде. Лишь Паша Куделин облачился в халат с кистями.

Миг — и вся эта куча мебели, взгромодившаяся друг на друга, превратится в грозные баррикады, в непроходимый заслон.

А пока звучит меланхолическая, тихая музыка из репертуара ночных радиопередач. Предпочтительней — джаз. Впрочем, уже близко утро, а кое-кто еще не сомкнул глаз.

Галемба (*Соне*). Как я тобой любовался, как ты была прекрасна в роли повелительницы борща!..

Соня (*сонно*). А я и не чувствовала, что я в роли. Зачем ты так говоришь?.. Мне было легко и приятно.

Галемба. Вот так и нужно жить!.. Без фальши, без натуги. Вы посмотрите на Авеля. Он абсолютно равен себе самому. Князь и князь...

Елена (*любуясь*). Хорошая пара.

Галемба. Потому что от сердца.

Пауза. Джаз.

Елена (*вздыхает*). Не у всех получается.

Галемба. Да! Этому надо учить! Я понял, чем я буду заниматься, ты знаешь. Вот достойное дело! Помогать людям освобождаться от не свойственной им роли. От надуманного поведения. От заблуждений. Мы откроем студию! Мы учредим ООО!

Елена. О-о!.. Это что-то новенькое... Спер? Или ноу-хау?

Галемба. Да! Мое!.. Выстраданное... Раньше я как режиссер создавал, воплощал, собирал, надувал образ! Теперь я протыкаю пузырь! Пш-шик!... И пусто! Мы движемся в обратном направлении! К натуре!.. К естеству, а значит, и к правде естественного поведения! К черту роли!.. Долой маски!.. И называется это... знаешь как?

Елена. Как?

Галемба. Раз-во-пло-щение!..

Анюта. Дадут поспать?

Галемба Чш-шшш!.. (*Елене, вполголоса.*) Пиши рекламу! Психологический тренинг. Развоплошаю! Освобождаю от роли!.. Снимаю маски...

Елена. И личины! Да?

Галемба. Правильно. Снимаю наигрыш. Корректирую поведение.

Пауза. Джаз.

Елена. Уроки искренности. Это я буду давать.

Галемба. Ты тоже хочешь?

Елена. Да, у меня есть наработки...

Галемба. Это тебе не носы вытирать!.. Вывод из заблуждения.

Елена (*после паузы*). Выход из блуда?

Галемба. Только без пошлости!.. Указываю выход из тупика. Из ловушки. Из заблуждения. Поняла?

Елена. Поняла. О, сколько людей будет нами осчастливлено!.. Начинать нужно с ближнего круга. Вот Сокольников.

Пауза. Джаз.

Галемба. Тяжелый случай... Ведь он вбил себе в голову, что он революционер. (*Пауза.*) Сокольников!..

Сокольников (*пробудившись от сна*). Да!.. Они пришли?

Галемба. Нет еще. Сокольников, общество справедливости и полного равенства возможно?

Сокольников. Да! И мы его строили!..

Галемба. В одной отдельно взятой стране?

Сокольников. В авангарде всего прогрессивного человечества!.. Неведомыми тропами... Нехожеными путями...Пока не пришел этот... *(Изображает.)*

Галемба. Ну вот видишь?.. Отдыхайте, Сокольников.

Елена. Глубокий обморок сирени.

Сокольников *(устраиваясь поудобней)*. А сейчас я мечтаю о счастье и процветании в отдельно взятой квартире. *(Засыпает.)*

Пауза. Джаз.

Галемба. Жизнь соткана из сплошных заблуждений. Люди живут в ирреальном, вымышленном мире. Один мнит, что он политик, другой — что он полководец...

Анюта. Слушайте, только заснула!

Галемба. Да, извините! Мы забыли, что Павел Петрович отдыхает.

Елена *(шепотом)*. Третий — что он режиссер!..

Галемба. Ну ты не можешь без под... начки.

Елена. Прости, сорвалось.

Пауза. Джаз.

Это мечта.

Галемба. Что?

Елена. То, что ты хочешь у них отобрать. Мечта... Крылья воображения... Это опасно. Ты когда-нибудь видел крылья без бабочек... тьфу!.. Бабочку без крыльев?.. Мерзейшее существо! Страшней таракана...

Анюта *(приподымаясь)*. Пузо на тонких ножках!.. *(Фыркает.)*

Кассандра. Бабочка рождается с крыльями.

Паша *(спросонья)* Что?..

Анюта. Спи, дорогой.

Галемба. Закрой крылышки...

Пауза. Джаз.

Елена. Мечта присуща мыслящему существу от рождения! Светлая греза!.. А некоторые ее обрывают.

Галемба. Это ты, мерзкая девчонка, в детстве обрывала бабочкам крылья!..

Елена. Не было этого! Врешь!..

Галемба. Тогда почему ты знаешь, как они выглядят!

Елена. Вообразила! Бабочки, вы хотите остаться без крыльев?

Анюта. Нет! Только не это!..

Кассандра. Нет-нет, лучше, как есть!..

Елена. Теперь ты понимаешь, что ты хочешь отобрать у человека с помощью своего тренинга? Нет, Галемба, это дохлая идея. Люди к тебе не пойдут. Кто ж захочет стать тараканом!.. Люди, вы хотите жить без мечты?..

Кассандра. Никто на это не пойдет.

Галемба. Мы с Соней будем жить правдой. *(Обнимает ее.)*

Сокольников. Без мечты невозможно. Владимира Ильича называли «кремлевский мечтатель».

Галемба. Дороговато эта мечта нам обошлась, дороговато!.. Эта его греза...

Елена. Господа, если к правде святой
Мир дороги найти не умеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.

Соня. Это Беранже?

Галемба. Да, моя дорогая... Соню не трогайте... (*Заслоняет Соню.*)

Соня (*спросонья*). Все-таки я была в полете... Да, милый?..

Галемба. Да, моя прекрасная. Спи.

Елена. Муха тоже была в полете.

Галемба. Она нам завидует. Она сама играет одну и ту же роль и не может из нее выйти.

Елена. Это какую же?

Галемба. Благоданной respectable дамы. А на самом деле...

Елена. А на самом деле?..

Галемба. А на самом деле...

Елена снимает тапку. Галемба со смехом убегает от нее. С тапкой в руке она гонится за ним.

Анюта. Ну, вы уж совсем!..

Елена. Убью!..

Паша. Что такое?.. Тревога?

Анюта. Интеллигенция разыгралась...

Раздается звонок. Все переглядываются. Звонки повторяются. Все встают и, подхватив свою мебель, несут или двигают ее к входной двери.

Галемба. Тяжелые вещи вниз, легкие наверх!..

Звонки сменяются стуком, стук — снова звонками.

Голоса. Выше! Выше!.. Дайте я помогу!.. Подержите, пожалуйста с краю!..

Елена. Баллончики — к бою!

Анюта. Швабры — к бою!

Сокольников. На мне, как договаривались, огнетушитель. (*Достает из-под раскладушки.*) В порядке самообороны...

Галемба. Тише, тише!.. Применять по команде!..

Напряжение нарастает, грозя перейти в панику, и когда наступает общий гвалт, Авель вдруг вскидывает руки.

Авель. Тише!.. Прошу тишины!.. (*Прислушивается.*)

Из-за двери слышна женская речь.

Это бабушка!..

Кассандра. Дарико!

Авель принимается отодвигать вещи от двери. Все приходят ему на помощь. И вот в открытую дверь входит Бабушка. В руках у нее две сумки.

Бабушка. Мальчик мой!..
Авель. Бабушка!

Она роняет сумки и горячо обнимает Авеля. Под руку подворачивается и Кассандра, подруги обнимают друг друга, целуются. Авель усаживает Бабушку на диван, садится рядом с ней. Далее они на короткое время переходят на грузинскую речь, богато украшенную пламенными восклицаниями, жгучими междометиями, пылкими жестами и сиянием глаз. Случается и так, что Бабушка к Авелю обращается по-русски, а по-грузински – к Кассандре.

Бабушка. Ты получил приглашение профессора Чкония?
Авель. Нет!..

Бабушка (Кассандре). Вах!.. Он не получил приглашение профессора Чкония!
У тебя с ним завтра встреча!..

Кассандра. Как!.. Кто брал почту?..

Бабушка. Что за почта у вас!.. Междугородная телеграмма пришла скорее.

Галемба. Международная!.. А у нас сарафанная! (Елене.) Посмотри у себя в сарафане.

Елена. Что за дела!.. Ничего я не видела... Но, конечно же, посмотрю. (Уходит.)

Тем временем по инициативе и под руководством Анюты в холле накрывается стол. Она вносит электросамовар. Расставляются чашки с блюдами. Каждый бежит к своему холодильнику и приносит что-нибудь из еды.

Соня. Это – сыр! Названия я не знаю. Продавался просто как «Сыр»!

Сокольников. Дырочки есть?

Соня. Есть.

Сокольников. Ну, значит, без обмана.

Елена. Да, вот конверт! (Отдает Кассандре.) Я очень сожалею. Но я не виновата. Прошу меня простить. Но я ни при чем. (Оборачиваясь к столу. Торжествующе.) Зато у меня – пирожки с ливером!

Сокольников. У меня имеется «Завтрак туриста», восхитительное питание, если намазать на хлеб. И с горячим чаем!.. (Закатывает глаза.)

Анюта. А мы, так уж и быть, ставим банку из набора. Да, Паша?.. Вот: икра лосося! Это у Паши в ассоциации наборы бывают. А он там вице-президент.

Елена. Сто раз слышали.

Бабушка. Вот лаваш... Передай, Авель. Вот брынза... Вот зелень. Это тебе, мой дорогой!.. (Передает Авелю полиэтиленовый пакет с мандаринами.) Угости всех!..

Анюта разливает чай.

Как я вам благодарна! Какие вы прекрасные люди!..

Авель обходит всех и каждому дает мандарин. Последний достается Майе. И как-то само собой в застольный шум, в гул голосов вплетается тихое пение – грузинское многоголосье.

Через короткое затемнение это же песнопение крепнет, овладевает пространством. Все стоят живописной группой посреди холла – в центре Авель в кресле. Рядом с ним в вечернем, почти свадебном платье Майя. Она даже в белых перчатках, в руках у нее –

мандарин. Постепенно он рдеет — внутри него загорается свет. Можно даже подумать, что это сердце.

Сверху доносится голос, и тогда пение стихает, но не прекращается.

Г о л о с .

Если ты брат мне, то спой мне за чашею,

И перед тобой на колени я грянусь.

Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,

Твой я вовек и с тобой не расстанусь...

Дальше стихи Тициана Табидзе читаются по-грузински. Мужчины поднимают кресло с Авелем и медленно несут его к авансцене. Голос звучит, и песня звучит. Они тоже поют.

Г о л о с .

Где виноградникам счет, не ответишь ли?

Кто насадил столько разом лозины?

Лучше безродным родиться, чем детищем

Этой вот родины неотразимой.

С ней мне и место, рабу, волочащему

Цепью на шее за несказанность.

Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,

Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

(Перевод Бориса Пастернака)

Занавес.